

дает возможность рассмотреть не только политику Российского государства в регионе, но и определить позиции Речи Посполитой в связи с украинской народной колонизацией Поля, а также достаточно подробно проанализировать деятельность украинцев-"черкас" в Днепро-Донской лесостепи, оценить русско-украинские межэтнические контакты на порубежье в конце XVI — первой половине XVII в., несмотря на практически полное отсутствие источников польского и украинского происхождения. Таким образом, отсутствие сформировавшегося в ходе естественной выборки компактного массива источников не может служить препятствием для исследования актуальных проблем, в том случае, если в ходе анализа материалов различных архивных фондов имеется возможность создания системы данных, позволяющей раскрыть поставленную важную и актуальную проблему.

Папков А.И., кандидат исторических наук, доцент
кафедры социологии БГТУ им. В.Г. Шухова
(Грант РГНФ № 06-01-55108a/ц)

Основание Белгорода и возникновение его первых храмов и монастырей

С этого начались продолжающиеся и до сей поры, разночтения в датировке основания Белгорода. Предпочтение, отдававшееся длительное время 1593 г., было связано с авторитетом придерживавшихся этой даты крупнейших исследователей истории заселения южной окраины России конца XIX столетия — Д.И. Багалея и И.Н. Миклашевского. Однако после издания в 1969 г. монографии одного из ведущих исследователей истории Черноземного региона В.П. Загоровского, посвященной истории Белгородской черты, в литературе закрепилась еще одна дата основания Белгорода — 1596 г., повторенная в последней монографии этого историка³. Основанием к предложению такой даты для самого автора послужила публикация в 1966 г. найденной еще одной редакции разрядной книги⁴. Однако, справедливости ради, следует отметить, что 1596 г., как один из вариантов датировки основания Белгорода, приводился А.А. Зиминим еще в 1955 г.⁵, но это осталось незамеченным, в том числе самим В.П. Загоровским. Предположения А.А. Зимина стали результатом анализа

³ См.: Загоровский В.П. Белгородская черта.— Воронеж, 1969.— С. 43—45; Он же. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в.— Воронеж, 1991.— С. 218—221.

⁴ РК 1457—1598 гг.— М., 1966.— С. 500—501.

⁵ Зимин А.А. Состав русских городов XVI в. // Исторические записки.— М., 1955.— Т. 52.— С. 346—347.

записей из местнического справочника, составленного в XVII в. на основе Разрядных книг, списков, росписей, десятен и др. разрядных документов¹.

Уместно напомнить, что разрядные книги являются источником вторичного происхождения, обобщающим содержание ряда первоисточников, в первую очередь, разрядных записей. Государев разряд 1598 г., дошедший до настоящего времени, составлен после смерти Федора Ивановича и, судя по водяным знакам бумаги, написан не ранее 40—50-х гг. XVII в. Таким образом, несмотря на официальный характер разрядной книги в ней могут содержаться определенные неточности, связанные с ошибками составителей и переписчиков. Наглядным примером тому может служить запись о постройке Белгорода в 1596 г. В Уваровском списке место постройки крепости на Северском Донце трижды названо «Белгородье», а в сохранившихся разрядных записях, относящихся к концу XVI в., дважды упомянуто «Белогорье» и лишь один раз «Белгородье»². Это говорит об ошибке переписчика. Данное предположение подтверждается записью в другой разрядной книге³. По наблюдению А.Г. Дьяченко, «Разрядная книга 1475—1598 гг.» относится к разновидности официальных разрядных книг краткой редакции и страдает по этой причине обобщенной формой изложения. Она содержит очевидное хронологическое противоречие: события более ранние в ней датированы более поздним годом (отправка голов для определения места постройки городов — 16 июня 1596 г.), и наоборот, более поздние события оказываются приуроченными к более раннему времени (возведение Белгорода — сентябрь-декабрь 1595 г.). Этот факт дал основание для заключения о том, что выводы В.П. Загоровского, В.А. Кучкина и некоторых других исследователей об основании Белгорода в 1596 г. не находят подтверждения в «Разрядной книге 1475—1598 гг.», а корректную в рамках исторической хронологии дату начала возведения Белгородской крепости (1 сентября 1596 г.) дает «Разрядная книга 1475—1605 гг.»⁴.

Между тем, в составленном в 30-е гг. XVII в. «Новом летописце» статья «О поставлении украинских городов» находится между статьями «О преставлении царевны Феодосии» и «О послании воевод в Шефкалы». Согласно вкладной книге Троице-Сергиева монастыря, единственная дочь Федора Ивановича скончалась до 26 сентября 1593 г., а по данным М.М. Щербатова это

¹ Татищев Ю.В. Местнический справочник XVII века // Летопись историко-родословного общества в Москве. — Вильна, 1910. — Вып. 2—3. — С. 34—35.

² Ср.: РК 1457—1598 гг. — М., 1966. — С. 500 и РГАДА. — Ф. 210. — Столбцы Московского стола. — № 232. — Л. 342, 343, 347. Цитированные разрядные записи не дают окончательного ответа на вопрос о времени основания Белгорода, т.к. листы столбца перепутаны, в результате чего хронология неясна.

³ РК 1475—1605 гг. — М., 1989. — Т. III. — Ч. III. — С. 113.

⁴ См.: Дьяченко А.Г. Разрядные книги конца XVI — начала XVII вв. о возникновении Белгорода (хронологический комментарий) // Материалы международной конференции, посвященной 850-летию г. Ельца. — Елец, 1996. — С. 23—26.

событие произошло незадолго до 7 декабря того же года. Вторая статья сообщает о посылке на р. Терек воеводы А.И. Хворостинина в 7102 (1593/94) г. Материалы Посольского приказа свидетельствуют, что значительное русское войско в 15 тыс. чел. под командованием А.И. Хворостинина отправилось в путь между июнем и серединой сентября 1593 г. Таким образом, указание на «поставление на степи» Белгорода, Оскола и Валук в том же году, когда умерла царевна Феодосия, но до похода А.И. Хворостинина на Терек вполне убедительно дает дату 1593 г.⁵

Тем не менее, в исторической литературе 1596 г. надолго был признан наиболее убедительной датой основания Белгорода и Оскола. Однако, единого мнения по спорной датировке так и не сложилось. Между тем, как это часто бывает, истина заключалась не в противопоставлении, а в сопоставлении обеих дат. С одной стороны оказалось, что сохранились документы, косвенно подтверждающие датировку существования Оскола (а, следовательно, и всегда упоминавшегося рядом с ним Белгорода) в 1593 г.: это позднейшие челобитные жителей Оскола — 30 станичных вожей и 20 станичных атаманов, прямо указывавших, что поселены были, как они писали «мы и отцы наши» в Оскольском городе усть Малого Оскольца, т.е. на современном месте, в «прошлом сотом году». Судя по пометам на указанных челобитных, в Разрядном приказе указание на поселение станичников в Осколе в «сотом» году не вызвало возражений. Содержание челобитных было доложено царю, который «...велел дать свою государеву грамоту, как они преж сего жили». Соответствующие грамоты были отправлены оскольскому воеводе Даниле Моисеевичу Яблочкову 18 апреля 1629 г.⁶ Поскольку в те времена «прошлым» называли не только год, непосредственно предшествующий текущему, но и любой из предыдущих годов, а летоисчисление вели «от сотворения мира», то значит, в 1629 г., когда составлялись эти коллективные челобитные, «прошлым сотым», а точнее, 7100-м годом был 1592 год по современному летоисчислению. Таким образом, дата летописи как официального документа (а по правилам датировки только такой и служит основанием) — 1593 г. — подтверждается. Впервые это было отмечено Е.В. Дворецким⁷. Необходимо подчеркнуть, что в упомянутых челобитных речь не может идти о «сведении» вожей и атаманов на Оскол в 1596 г., т.к. в качестве оскольского воеводы, наделавшего их земель, челобитчики называют Степана Данилова, а не кн. Ивана Солнцева, который в

⁵ См.: Солодкин Я.Г. К оценке достоверности летописных известий об основании южнорусских городов в конце XVI века // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура.— Белгород, 1996.— С. 6—9.

⁶ См.: РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Московского стола.— № 40.— Л. 101—114.

⁷ Дворецкий Е.В. О достоверности летописной даты основания Белгорода, Оскола и Валук // Историография и источники по исторической географии Центрального Черноземья.— Курск, 1989.— С. 13—14.

1596 г. был оскольским воеводой¹. Кроме того, Степан Иванович Данилов в 1596 г. служил головой в Орле², а значит не мог находиться в Осколе. Можно предположить, что на Осколе он был ранее, но не воеводой, а головой, поскольку воевод до 1596 г. в Оскол не назначали. Тот же С. Данилов служил головой в Осколе в 1598, 1600—1601 гг., что дало основание Я.Г. Солодкину для предположения о «сведениях» челобитчиков на Оскол именно в это время³. Такое допущение представляется маловероятным, т.к. в 1598 г. в Осколе уже был государев воевода⁴, и именно он должен был распределять земельные угодья между служилыми людьми.

Принципиально важным является то обстоятельство, что признание достоверности 1593 г. как даты основания Белгорода вовсе не исключает истинности и позднейшей записи разрядной книги о строительстве городов Белгорода, Оскола и Курска в 1596 г. Сопоставимость обеих дат вытекает из употребления в те времена термина «город» не только в широком смысле, применительно к укрепленному поселению вообще, но также, как справедливо отмечал сам В.П. Загоровский, для обозначения особого типа окружавших поселение укреплений (в отличие от острога). Применительно к рассматриваемому времени исследователи выделяют четыре типа укрепленных населенных пунктов: 1) город, забранный в острог и не имеющий кремля; 2) город с острогом и включенным в его стены небольшим кремлем; 3) город без острога, только с небольшим кремлем и 4) город-острог с расположенным в его центре кремлем (под городом понимается укрепленное поселение — А.П.)⁵. В приказной документации конца XVI — первой половины XVII в. понятия «город» и «острог» четко дифференцировались. Постепенное слияние этих терминов началось во второй половине XVII столетия⁶. В отличие от «острожной» стены, выполненной в виде частокола или забора, «городовая» — состояла из срубных конструкций — «тарас» или «городен». При этом, «городом» часто именовалась сама крепостная стена, а, при наличии нескольких рядов укреплений, также огороженная каждой из стен часть поселения. Это хорошо известно не только на примере Москвы, где за пределами Кремля последовательно располагались: Китай-город, Белый город, Земляной город.

¹ Никулов А.П. Старый Оскол.— Курск, 1997.— С. 58—59.

² РК 1457—1598 гг.— М., 1966.— С. 490.

³ Солодкин Я.Г. О времени основания и первоначальном местоположении Белгорода // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья.— М.; Курск, 1994.— С. 45; Он же. К ранней истории Оскола и Царева-Борисова // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России.— Тула, 2002.— С. 97—98.

⁴ РК 1598—1638 гг.— М., 1974.— С. 107.

⁵ Кириллов В.В. К проблеме изучения древнерусского города XVI—XVII вв. // Русский город.— М., 1984.— Вып. 7.— С. 31.

⁶ См.: Резун Д.Я. Эволюция понятий «город» и «острог» в приказном делопроизводстве XVII века // ВИ.— 1979.— № 10.— С. 172—176.

Можно найти аналогии и в конструкции других российских крепостей этого времени⁷. Подобным образом были выстроены укрепления Переяславля Рязанского в XVI—XVII вв.⁸ Чердынь, являвшаяся своеобразным плацдармом для освоения уральских и сибирских земель, имела деревянный кремль на Троицком холме (начало строительства — 1535 г.) и располагавшийся к западу от него посад, окруженный стоячим острогом⁹. Укрепления Самары, построенные в 1586 г., представляли собой четырехугольный рубленый «город» с шестью башнями, обнесенный второй тыновой острожной стеной¹⁰. Даже внутри Белгорода второй половины XVII в., периметр внешних укреплений которого составлял 1887 саженей (ок. 4 км), выделялся «Белгород Меньшой» с периметром укреплений 558 саженей (1,2 км). Такая многозначность термина «город» объясняет вторичное «строительство» существовавших уже к 1593 г. Белгорода и Оскола в 1596 г., когда на месте поселений служилых людей были построены новые укрепления — «городовые» крепости.

Что касается третьего города — Валуйки, не упоминавшегося в разрядной книге, то существование его еще до появления в 1599 г. указа о строительстве крепости также имеет подтверждение. В том же 1629 году, когда писались челобитные осколян, монахи Валуйского Николопристанского монастыря, пострадавшего в годы Смуты, также обратились с челобитной, в которой указывали, что монастырь был основан при царе Федоре Ивановиче (скончавшемся в 1598 г.). Вероятно, и в этом случае речь идет о строительстве городской крепости на месте уже существовавшего поселения. Примечательно, что в дьячьих выписях, составленных по поводу упоминавшейся выше челобитной, а также при рассмотрении челобитной аналогичного содержания, поданной строителем Белгородского монастыря в том же году, содержится свидетельство о гибели всех разрядных документов, связанных со строительством Белгорода и Валуйки, в большой московский пожар 3 мая 1626 года.¹¹

Поэтапное строительство крепостей достаточно известно в практике российского градостроительства XVI столетия и вовсе не является уникальным для первых городов на Поле. А.А. Зимин уже обращал внимание на разрыв, порой в несколько лет, между датой основания Михайлова, Шацка, Дедилова,

⁷ См.: Кирпичников А.Н. Кремли России // Кремли России.— М., 1999.— С. 8—9.

⁸ Кусова И.Г. Кремль Переяславля Рязанского в XVI—XVII веках: социально-функциональная топография // Там же.— С. 69.

⁹ Чагин Г.Н. Чердыньский кремль Перми Великой и его место в топографии города // Там же.— С. 71—72.

¹⁰ Скоробогатова Е.А. Самарский кремль и его роль в формировании панорамы города // Там же.— С. 73—74.

¹¹ АМГ.— Т. I.— № 705.— С. 641—644; РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Московского стола.— № 99.— Л. 222—264.

Черни, Севска, Курска и началом строительства на их месте «городов»¹. Еще один пример поэтапного строительства укреплений можно привести из практики сооружений русских крепостей в начале непосредственной колонизации Сибири Российским царством. Так в 1587 г., в условиях враждебных отношений с татарами и развернувшейся в Сибирском ханстве усобицы, русскими служилыми людьми были построены Тюменский и Тобольский остроги. Рассчитанные на пребывание в них лишь служилых людей, остроги представляли собой укрепленные тыновой стеной, валом и рвом военные лагеря. Затем, после подавления основных очагов сопротивления, в 1593—1594 гг. в Тюмени и Тобольске были возведены рубленые «города»². Причем первые сообщения в Разрядной книге о назначении воевод в Тюмень относятся к 7099 (1590/91) г., а в Тобольск — к 7101 (1592/93) г. Начиная с 7104 (1597/98) г., назначения воевод в эти города становятся ежегодными³. Видимо, первоначально командовали гарнизонами новых острогов не воеводы, а «головы», имена которых не всегда попадали в разрядные книги. После постройки рубленых городов, последние возглавляют уже только воеводы. Аналогичная ситуация вполне вероятна и применительно к населенным пунктам юга Российского царства.

В случае со строительством первых городов в Днепро-Донской лесостепи подобный разрыв во времени также имеет свое объяснение. В 1593 г. в самом разгаре были русско-крымские переговоры, завершившиеся подписанием договора в 1594 г. В этой ситуации Россия не могла позволить себе строить на спорной территории городские крепости и назначать туда, соответственно статусу города, воевод. В дальнейшем положение изменилось. В 1593 г. Турция начала тяжелую и длительную войну с империей Габсбургов, в которой принимал участие и крымский хан. В итоге Россия могла более активно действовать на своих южных рубежах. Поэтому, признавая факт существования первых поселений на Северском Донце и Осколе уже к 1593 г., об их официальном статусе и характере укреплений можно судить лишь предположительно. Отсутствие до 1596 г. упоминаний о назначении сюда воевод позволяет отождествлять первоначальные поселения с типичными для данной территории позднейшего времени казачьими слободами. Что касается укреплений для защиты первопоселенцев, то наиболее вероятным представляется вариант сооружения в качестве таковых «придеревей»⁴. Пока точно не установлено значение существительного «придеревь»⁵. Учитывая одно

¹ См.: Зимин А.А. Состав... С. 346.

² Сергеев В.И. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов // Новое о прошлом нашей страны. — М., 1967. — С. 176; С. 179.

³ РК 1457—1598 гг. — М., 1966. — С. 498; 505; 514.

⁴ См.: Очерки краеведения Белгородчины. — Белгород, 2001. — С. 37—39.

⁵ См.: Словарь русского языка XI—XVII вв. — М., 1994. — Вып. 19. — С. 144 (авторы статьи — Малкова О.В., Державина Е.И.).

из значений слова «деревня» — «расчищенное под пахоту место, пашня, угодья»⁶, можно предположить, что «придеревью» называлось небольшое укрепление, строившееся рядом с угодьями, в котором можно было отсидеться в случае внезапной опасности.

Татары постоянно беспокоили российскую окраину, но они вторгались с целью грабежа и, в случае отпора, обычно обращались в бегство. Тем более, они не пытались осаждать остроги. По крайней мере, во второй половине XVI, как и в XVII в., не отмечено фактов нападения крымцев на русские крепости с целью их захвата⁷. Известен лишь один случай, когда в 1639 г. около 200 татар, спешившись, два дня осаждали казаков, засевших в «крепости<...> невеликой придеревьи». Донцы, находившиеся в упомянутом укреплении, успешно оборонялись в течение трех дней. При этом убили десять татар и «многих переранили»⁸.

Учитывая единодушное мнение исследователей о существовании в XVII в. общей для всей страны системы строительства укреплений, выработанной приказной администрацией в XVI в., напрашивается еще одна параллель с русской колонизацией Сибири в XVII в. Восточнее Уральского хребта было распространено три основных типа оборонительных сооружений: зимовье, острог и город. Если остроги различной конструкции и города (по типу укреплений) хорошо известны в Днепро-Донской лесостепи, осваивавшейся русскими практически одновременно с Сибирью, то о первом типе укреплений в литературе ничего не сообщается. Либо эти сооружения были характерны только для Сибири, либо южная «придеревь» — это аналог сибирского «зимовья». Вопрос о происхождении укреплений типа зимовье решается исследователями по-разному. Н.П. Крадин полагал, что зимовья возникли в специфических условиях Сибири. С.Н. Баландин и Н.Н. Филиппова считали зимовье рудиментом древнейшего русского наземного или полуназемного жилища. А.Г. Артемьев полагает, что прототипом зимовья вполне могли послужить как сельская феодальная усадьба, так и средневековые городские дворы-усадьбы. В любом случае, подобный тип укреплений мог быть распространен не только в Сибири. Обычно зимовье представляло собой избу с боевой надстройкой (хорошо известный тип укреплений в системе Белгородской черты середины XVII в. — А.П.). Более сложным видом зимовья были укрепления, состоявшие из нескольких таких изб, соединенных стенами, и образовывавшие небольшой закрытый двор⁹. Вот подобное небольшое

⁶ Там же. — М., 1977. — Вып. 4. — С. 221 (автор статьи — Смолицкая Г.П.).

⁷ См.: Ищенко С.А. Война и военное дело у крымских татар XVI—XVIII вв. // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XVII вв. — Ростов н/Д., 1989. — С. 136—145.

⁸ Русская историческая библиотека. — СПб., 1906. — Т. XXIV. — Стб. 3—4.

⁹ Артемьев А.Г. Строительство городов и острогов Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII—XVIII века и типы оборонительных сооружений // ОИ. — 1998. — № 5. — С. 143.

укрепление — «придеревь» и штурмовали татары, избегая подобных действий в отношении более крупных крепостей. Учитывая то обстоятельство, что термин «придеревь» содержится в документах, вышедших из среды донских казаков, можно предположить бытование и других названий аналогичных укреплений на юге России. Приведенные примеры дают основание для предположения о возникновении поселения подобного типа в 1593 г. на месте позднейшей белгородской рубленой крепости.

Высказанное предположение подтвердили и археологические раскопки на Белой горе в окрестностях Белгорода, показавшие, что Белгородская крепость конца XVI в. имела срубные стены. Кроме того, обнаруженное ниже основания рубленых стен и несколько в стороне от них, на расстоянии около метра, целое, не тронутое огнем, бревно позволяет говорить о существовании другого, более раннего ограждения. Скорее всего, это была обычная «острожная» стена, проходившая по внешнему краю первоначального вала¹. Такой способ внедрения на спорные территории не повредил переговорам с Крымом, мирившимся с казачьими поселениями на Дону и его притоках. В 1593 г. крымскому хану Казы-Гирею было направлено письмо от царского имени, написанное, вероятно, при непосредственном участии Бориса Годунова. Крыму предлагалась всяческая помощь, вплоть до того, что «...на Доне тотчас и два города поставим, и людей многих со многими воеводами на Донец пришлем, и начнем вместе с тобою на твоих недругов стояти за один». Таким образом дипломатически маскировалось невыгодное для Крымского ханства продвижение России на юг, а в качестве компенсации Казы-Гирею было направлено 10 тыс. рублей². Это был отработанный дипломатический маневр. Для сравнения можно привести следующий пример. Несколько ранее, 15 августа 1587 г., русские послы в Речи Посполитой сделали заявление подобного содержания. Они говорили от царского имени: «...стояти хотим из Крыму, по Дону, и по Донцу, и по Днепру поставити своих людей, и городы поделати по Донцу и по Дону, и на Крым наступити своею казною, а тебе — на Подолье и на Вольнь, вперед [чтобы] тые (так в тексте — А.П.) неприятели христианские не приходили...»³. Но, тем не менее, состоявшееся уже после подписания договора строительство на месте Белгорода, Оскола и Валуйки городских крепостей с назначением туда воевод вызвало нарекания со стороны Крыма. В 1601 г. Борису Годунову была послана тайная грамота от Казы-Гирея, в которой он упрекал русского царя за постройку городов на территории своих «Донецких улусов». При этом хан заявлял о крайнем недовольстве Турции московской

¹ См.: Никитин А.В. Белгородская крепость XVI—XVII вв. // Советская археология.— 1962.— № 3.— С. 263.

² Лашков Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв.— Симферополь, 1891.— № 28.— С. 32—33.

³ РГАДА.— Ф. 389.— Оп. 1.— Кн. 593.— Л. 84.

политикой и предупреждал о том, что дальнейшее продвижение России на юг «шерть и добро порушит»⁴.

Построенный в 1596 г. на Белой горе Белгород представлял собой прямоугольную крепость размером 230 на 234 м. Детинец был обнесен деревянной стеной, рубленой, вероятно, «тарасами» со сторонами 1,4—1,9 м. Крепостные стены находились на земляном валу, покрытом обожженной глиной. Детинец имел восемь башен, четыре из которых были проезжими. Перед стенами был вырыт ров глубиной до двух метров. Для снабжения гарнизона водой были устроены два подземных хода — «тайник» к Северскому Донцу и аналогичный ход в юго-западном направлении, выведенный в овраг, на берег ручья Ячнев Колодезь.

С запада крепость опоясывали две линии укреплений, а с восточной стороны находился крутой обрыв. Второй пояс укреплений проходил полукольцом в 135—300 м от детинца и состоял из земляного вала высотой до 2,8 м. На валу, для прикрытия стрелков, находился тын из вертикально стоявших бревен толщиной 16—20 см. Перед валом имелся ров.

Третья, внешняя, линия обороны Белгорода находилась в 175 м от первой, состояла из рва и вала, имевшего сильно выступавшие вперед площадки для деревянных башен, квадратных в плане, размером 5 на 5 м, фланкировавших ров. По гребню вала стояли стены. Рубка башен и стен была двойной, с глиняным заполнением. Вероятно, стены были с обламами⁵, а расстояние между башнями не превышало 100—150 м. Вал был обмазан необожженной глиной.

Следовательно, Белгород был довольно хорошо укрепленной крепостью, имевшей три линии обороны. Основой обороны была прямоугольная крепость с рублеными стенами. Внешняя линия, принимавшая на себя первый удар, была укреплена сильнее, чем второй пояс, который, в случае прорыва противника, должен был его задержать⁶. Помимо укреплений, в городе на рубеже XVI—XVII в. имелся посад, Троицкий собор и действовал монастырь Николы Чудотворца.

Приправочная книга кн. Волконского и подъячего Окинфова 1599 г. позволила оценить владения белгородского духовенства, которые находились в Донецкой волости. Двум священникам, дьякону, двум дьячкам, пономарю и просфирнице Белгородского Троицкого собора были отведены следующие

⁴ См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — М., 1994. — Т.8. — С. 396. Шерть — договор, соглашение, закрепленное клятвой на Коране (от арабско-персидского «шэрт»).

⁵ Облам — нависающий выступ, идущий по периметру основной стены, прикрытый стенкой из нескольких рядов бревен. В этой стенке прорубались бойницы для ведения фронтального огня. Щель между основной стеной и обламной стенкой служила для поражения противника у подошвы крепостной стены.

⁶ Об укреплениях Белгорода подробнее см.: Битюгин К.Е., Ильин А.И. Эволюция укреплений средневекового Белгорода (1596—1785 гг.) // Белогорье. — Белгород, 2001. — Вып. 3. — С. 25—41.

угодья: р. Нежеголь с реками Корень и Короча, лес на р. Нежеголь, озера Лебязье, Константиновское и Печенеги, оба берега Северского Донца, от устья Нежеголи до устья Волчьих Вод, с рыбными и звериными ловлями, лесом и всякими угодьями. В дальнейшем все перечисленные владения, за исключением р. Нежеголи, были переданы другим владельцам. Взамен их в 1616 г. храм получил Мохначевский и Гниловский юрты на Северском Донце, реки Мож, Камыльша и озеро Косыж. Известно также, что Белгородский Никольский мужской монастырь в 1599 г. получил во владение пашню, а также угодья с бортными ухажьями, рыбными и звериными ловлями по р. Волчьих Воды¹.

Все изложенное позволяет предполагать, что Белгород возник как укрепленное пограничное поселение в 1593 г. Возведение рубленной крепости в 1596 г., имевшей несколько линий укреплений, дало новый импульс его развитию. С этого времени в городе начинается храмовое строительство, а также появляется первый монастырь. Учитывая беспокойную обстановку в приграничном регионе, монастырь был построен под защитой острожных стен Белгородской крепости. Монастырь и первые храмы возводились, по всей вероятности, как и в других окраинных городах, за счет государства, в рамках других мероприятий правительственной колонизации Поля.

Пенская Т.М., кандидат исторических наук, доцент
кафедры отечественной истории и политологии БелГУ

Пенской В.В., доктор исторических наук, профессор
кафедры христианской истории и антропологии БелГУ
(Грант РГНФ № 03-01-00824a/c)

Из истории образования Белгородской губернии

В 2002 г. наш авторский коллектив подал заявку под названием «Белгородская губерния и Белгородчина в XVIII в.: проблемы социально-экономической истории» для участия в региональном грантовом конкурсе РГНФ. Исследование предполагалось посвятить проблемам политической, социально-экономической и культурной истории Белгородской губернии и Белгородчины в XVIII в. Трехлетняя работа над проектом позволила авторскому коллективу всесторонне исследовать основные аспекты истории региона на протяжении XVIII столетия, затронув при этом и его предысторию.

Тщательный анализ как опубликованных, так и архивных материалов, использованных в процессе исследования, позволил сформулировать определенные выводы. Вкратце они заключаются в следующем. Во-первых, образование губернии и выбор именно Белгорода в качестве губернского центра

¹ Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XVI вв.— М., 1960.— С. 425.